

C $\frac{22}{25}$

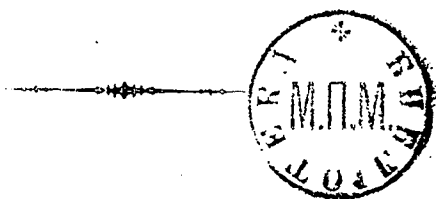
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II-ОСВОБОДИТЕЛЬ

ВЪ ПАМЯТИ НАРОДА СВОЕГО.

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА АЛЕКСАНДРУ II ВЪ КАЗАНИ,

30 августа 1895 года.

Проф. А. А. Царевского.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1895.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1895 годъ.

30-е августа 1895 года — отнынѣ день историческій для Казани, день праздничный и навсегда незабвенный. Исторія Казани украсилась въ этотъ день событіемъ въ высокой степени важнымъ и знаменательнымъ, поистинѣ великимъ. Городъ Казань обогатился въ этотъ день однимъ безмолвнымъ, но безсравненія великимъ и дорогимъ, страстно всѣми нами желаннымъ и благоговѣнно любимымъ Гражданиномъ.

Въ самомъ сердцѣ Казани, на святой ея площади, какъ бы подъ стѣною святыхъ храмовъ и подъ кровомъ древнихъ обитателей, выросъ памятникъ гордости нашей національной, любви нашей всенародной, величія нашего русскаго. Страдальческая тѣнь величайшаго изъ Царей — Благодѣтелей нашихъ, безвинно мучительно въ средѣ насъ и за насъ убіеннаго, воскресла предъ нами въ лучахъ великой славы и вѣковѣчной жизни. Въ волнахъ радости народной и восторговъ сердечныхъ какъ бы ожилъ нашъ Мученикъ-Страстотерпецъ, одно воспоминаніе о смерти Котораго повергало въ трепетъ и содроганіе наши вѣрноподданные и любовію къ Нему горящія сердца. Вновь возсталъ предъ нами съ своимъ исполинскимъ ростомъ, въ своемъ царственномъ великолѣпін Онъ — нашъ Великій Царь-Человѣкъ, Царь-Братъ, Царь-Другъ нашъ!

Немногосложная, но драгоценная коллекція памятниковъ казанскихъ обогатилась новою, самою крупною и именно недостававшою жемчужиною. Не одинъ уже памятникъ красуется на горизонтѣ нашей Казани, и каждый изъ нихъ полонъ великаго историческаго интереса и глубокаго смысла. Уже самымъ составомъ своимъ наши казанскіе памятники знаменательно представляютъ не случайный подборъ, а именно коллекцію, какъ бы систематически сгруппированную и осмысленно цѣлостную. Такъ, прежде всего, есть у насъ памятники, увѣковѣчившіе собою память о крупнѣйшихъ событіяхъ и роковыхъ моментахъ исторіи нашего казанскаго края. Вотъ, напримѣръ, на холмѣ кремля казанскаго высится Сумбекина башня. Это любопытнѣйшій памятникъ еще, строго говоря, доисторическихъ временъ нашей Казани; это—свидѣтель кровавыхъ битвъ русскаго православнаго воинства съ старыми нехристіанскими казанцами. Вотъ въ томъ же кремлѣ казанскомъ, среди гораздо болѣе великолѣпныхъ и грандіозныхъ позднѣйшихъ храмовъ, скромно ютится великая своею древностію и значеніемъ церковь святыхъ Кипріана и Устины. Это — благодарственная свѣча Богу содѣйствующему отъ Іоанна Грознаго, покорителя и перваго христіанскаго властителя нашей Казани. Вотъ, наконецъ, предъ лицомъ Казани, такъ сказать въ очахъ всего города, стоитъ величаво-оригинальная пирамида, увѣнчанная крестомъ и какъ бы выросшая изъ погребенныхъ на этомъ мѣстѣ костей крестоносцевъ русскіхъ, покорителей Казани. Это — благоговѣнный памятникъ тѣхъ величайшихъ въ исторіи Казани дней, когда она была пріобрѣтена для Россіи и для Церкви

Христовой цѣною крови и жизни этихъ героевъ, навѣки упокоившихся подъ свѣтлою святого храма-памятника.

Есть у насъ, далѣе, памятники, увѣковѣчившіе собою для всѣхъ грядущихъ поколѣній нашихъ воспоминаніе о великихъ казанцахъ, силою и величіемъ своихъ богоданныхъ талантовъ прославившихъ Казань. Вотъ величественная статуя славнѣйшаго нашего земляка, вѣщаго пѣвца русскаго, гениальнаго поэта Державина. Какъ нельзя болѣе дружно съ этимъ державинскимъ памятникомъ уживется и открываемый, въ самомъ близкомъ будущемъ, другой памятникъ другому великому казанцу, доблестному представителю нашихъ умственныхъ силъ—памятникъ великому ученому Лобачевскому.

Есть, наконецъ, у насъ теперь и памятники самыхъ незабвенныхъ, самыхъ дорогихъ народу русскому великихъ монарховъ россійскихъ. Вотъ цѣлая слобода „Адмиралтейская“—памятникъ великихъ дѣлъ и начинаній, между прочимъ и въ нашей Казани, Великаго нашего Петра. Вотъ, кстати упомянуть, яхта „Тверь“—оригинальный памятникъ втораго нашего Великаго монарха, нашей славной Екатерины. И вотъ теперь этотъ, вновь вознесшійся къ небу памятникъ третьяго Великаго же Императора всероссійскаго—Александра—Освободителя, Просвѣтителя и Преобразователя Россіи.

Никогда, разумѣется, и никакой памятникъ не выразитъ величія дѣлъ и личности Александра II; но всегда, вездѣ и всякій памятникъ Ему пребудетъ самымъ дорогимъ и близкимъ для русскаго сердца, какъ памятникъ безмѣрно великихъ дѣлъ и безцѣнно бла-

гихъ преобразованій, какъ образъ величайшаго изъ Монарховъ благодѣтелей и устроителей своего народа. Для нашего же поколѣнія, еще помнящаго эту великую эпоху Александра II, для насъ, еще такъ близкихъ къ Нему самому, всего пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ жгучимъ сердечнымъ страданіемъ оплакавшимъ Его, памятникъ Александру II есть предметъ не только дорогой, любимый и уважаемый, а есть своего рода священный алтарь для завѣтныхъ воспоминаній, благоговѣйныхъ думъ и святыхъ молитвъ.

Едва 30 августа упала завѣса съ памятника, едва жаднымъ взоромъ каждый изъ насъ облобызаль изображенное на немъ это, столь знакомое, благороднѣйшее чело открытое, эту прекрасную фигуру во всемъ царственномъ величій представшаго намъ Любимца нашего всенароднаго, какъ подавляющимъ роемъ осянили насъ болѣзненно-сладкія воспоминанія, зашевелились въ сердцахъ нашихъ разнородныя волненія, ожили и нѣкоторыя было уснувшія чувствованія.....

Какъ живой всталъ Онъ предъ нами, Онъ—добрѣйшій и человѣчнѣйшій изъ людей, милостивѣйшій изъ владыкъ земныхъ, Онъ — вѣковѣчная гордость и слава наша, истинный благодѣтель народа своего, защитникъ человѣка во всемъ человѣчествѣ.... И волны святого восторга и радостнаго умиленія вдохновили всѣ существа наши при этомъ свиданіи съ Нимъ!

Но еще и предшествовавшія открытію памятника приготовленія, и все это живѣйшее напоминаніе объ Александрѣ II.—не могли не коснуться и того сокровеннаго уголка въ сердцѣ русскомъ, гдѣ отъ переутомленія боли и отъ дѣйствія всеисцѣляющаго времени уже стала какъ бы закрываться, стала какъ бы

утихать рана жгучая, боль неутолимая.... За милость и человеколюбіе Его—Ему воздано было звѣрской жестокостью и крестомъ страдальческимъ, за Его добро и благодѣянія—Онъ получилъ вѣнецъ терновый и мученичество!... О, эта адская обида и несправедливость! О, этотъ неизгладимый позоръ русскій! О, это несмысленное оскверненіе земли родной и вѣчный стыдъ всѣмъ намъ за Него и предъ Нимъ!... Невинный Страдалецъ, однимъ безмолвнымъ напоминаніемъ о Себѣ, открылъ эту неисцѣлимую рану, и мучительно заныла она въ глубинѣ души.... Слезы не одной только радости, а и жгучія слезы огорченія туманили глаза, стѣсняли грудь при взглядѣ на Него.....

Но прошли уже дни и даже цѣлыя недѣли со времени открытія памятника; острота первыхъ впечатлѣній „Александровскаго праздника“ сгладилась, и мы болѣе спокойно взираемъ теперь на нашъ памятникъ, болѣе спокойно можемъ разобраться и во впечатлѣніяхъ минувшаго торжества. Именно въ немъ, въ нашемъ памятникѣ Александру II мы и усматриваемъ теперь примиреніе и разрѣшеніе тѣхъ разнородныхъ чувствъ—радости и печали, восторга и слезъ—которыя взволновали насъ на открытіи. Именно въ памятникѣ-то, какъ въ фокусѣ, отразились и вылились—наша любовь къ Александру, благоговѣніе предъ имениемъ Его, и въ тоже время—наше предъ лицомъ цѣлаго свѣта открытое покаяніе за Него, исповѣдь нашихъ великихъ грѣховъ предъ Нимъ. Съ одной стороны, памятникъ Александру II, воздвигнутый любовью нашею, явился единственно только и возможнымъ теперь отъ насъ выраженіемъ благодарности нашей Царю-

Благодѣтелю за все добро, Имъ совершенное для насъ, за все благо, Имъ явленное странѣ родной; а съ другой стороны, нашъ памятникъ Александру II является и какъ бы искупительною жертвою Царю-*Мученику*, за нашу смертную вину предъ Нимъ. Черезъ памятникъ мы примираемся съ Его вѣнчанною тѣнію, и отнынѣ такъ же опять доверчиво, открыто и несмущенно будемъ смотрѣть въ очи Его, вѣковѣчно среди насъ живущаго, какъ любовно и преданно смотрѣли въ эти очи Его, для насъ жившаго.

Такимъ образомъ, нашъ памятникъ Александру II есть прежде всего выраженіе нашей благоговѣйной любви къ Нему и нашей незабвенной благодарной памяти о Немъ.

Можно ли въ краткомъ словѣ перечислить все добро, принесенное намъ этимъ Мудрецомъ-Правителемъ и, въ тоже время, добрейшимъ нашимъ Государемъ-Благодѣтелемъ?! Возможно ли въ короткое время даже бѣглымъ взоромъ обозрѣть Его, полный самоотверженной любви къ народу своему, двадцатилѣтній царственный подвигъ?! Во всякомъ случаѣ, все, что бы мы ни вспомнили изъ эпохи Его царствованія, на чемъ бы изъ Его дѣлъ и начинаній ни остановили взора своего, все это можетъ свидѣтельствовать только о величіи Его личности, громко вѣщать только о славѣ Его имени; все, нами отъ Него видѣнное, воспринятое и намъ о Немъ вѣдомое, извѣстное, всецѣло подѣмлетъ Его въ нашихъ глазахъ на почетнѣйшій пьедесталь Царя — истиннаго Благодѣтеля, Царя — истинно Великаго!

По слову древняго пророка Божія, *владѣтъ Вышній царствомъ человѣческимъ*, Самъ Господь *поставляетъ царей и потребнаго во время воздвигаетъ на земли* (Дан. IV, 14; II, 21). Нельзя съ особенною очевидностію не усматривать этого избранія Божественнаго на нашемъ Александрѣ! Съ самаго рожденія Его всѣ обстоятельства предъказывали въ Немъ челоуѣка не простаго и обыкновеннаго, а богоизбраннаго, того *Потребнаго*, котораго Господь *во время воздвигъ* для своей, право славящей Его, Россіи.

Въ 1818 г. въ царскомъ семействѣ, у брата Государя Александра I-го, у великаго князя Николая Павловича родился сынъ Александръ. Случилось такъ, что Александръ узрѣлъ свѣтъ Божій въ одинъ изъ свѣтлыхъ и благословенныхъ дней свѣтоноснаго праздника Пасхи Христовой. Еще болѣе знаменательно случилось такъ, что родился Онъ не въ Петербургѣ, обыкновенномъ мѣстопребываніи царской семьи, а въ первопрестольной Москвѣ и притомъ въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ ея, въ святомъ кремлѣ, въ старинномъ помѣщеніи древнихъ митрополитовъ, подъ свѣцію храмовъ святыхъ, въ которыхъ почиваетъ цѣлый святыи сонмъ нетлѣнныхъ царей и князей россійскихъ. Еще неожиданнѣе случилось то, что этому сыну не наслѣдника престола однако суждено было стать самому наслѣдникомъ, а потомъ и императоромъ всероссійскимъ.

Наконецъ, не менѣе неожиданно и знаменательно случилось то, что съ самаго дня рожденія Александра, на Него обращены были взоры, какъ именно на будущую надежду Россіи и какъ на царевича не обыкновеннаго. Самъ Родитель Его, еще до рожденія сына, „укрѣпилъ душу свою обѣщаніемъ“: во имя Александра

Невскаго воздвигнуть святой храмъ, — и тотчасъ же ознаменовалъ рожденіе царевича Александра исполненіемъ своего обѣта въ монастырѣ Новоіерусалимскомъ. Этимъ своимъ приношеніемъ, августѣйшій Отецъ, по его словамъ, „повѣрялъ Отцу Всемогущему свое драгоценное благо—участь сына“. Знаменитый въ ту пору нашъ баянъ російскій, поэтъ Жуковскій, привѣтствовалъ „милаго пришельца въ Божій свѣтъ“, царевича Александра, стихами, въ которыхъ, какъ бы по какому наитію, предсказалъ будущее величіе родившагося: въ формѣ пожеланія новорожденному, въ которомъ тогда и вообразить невозможно было будущаго императора, Жуковскій сказалъ, что Онъ будетъ представителемъ „обильнаго чествованія“, что Онъ „славнаго участника славный будетъ“, что будетъ Онъ „временъ своихъ красой“, что будетъ „на чредѣ высокой“ и въ этомъ положеніи своемъ будетъ добръ и чловѣченъ.

А когда Александру Николаевичу исполнилось пять лѣтъ, другой поэтъ, Рылѣвъ, привѣтствуя Его въ день тезоименитства, еще прямѣе и опредѣленнѣе, безъ всякихъ тогда видимыхъ на то оснований, предсказывалъ:

„Быть можетъ, корона
Тебѣ назначена Творцомъ, —
Учись заранѣ быть царемъ!“

Около этого же времени нашъ знаменитѣйшій поэтъ и исторіографъ, уже престарѣлый Карамзинъ, тоже движимый какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ, обнаружилъ особенно предупредительную заботливость о правильномъ обученіи и образованіи подроставшаго князя: онъ подаль императору Александру I особую записку, въ ко-

торой горячо доказывалъ необходимость именно русскихъ воспитателей и учителей для царевича: „желаю сего счастья милому Александру Николаевичу!“—Все это свидѣтельствуешь, что общество русское обратило особенное вниманіе на царскаго племянника и какъ бы инстинктивно предугадывало въ Немъ, какъ выразился Жуковский, „Россіи свѣтлую надежду“.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Александръ Николаевичъ началъ уже оправдывать всѣ возлагавшіяся на Него ожиданія. Онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ прекраснѣйшими качествами своего ума и добрѣйшаго сердца. Подъ руководствомъ назначенныхъ Ему воспитателей—извѣстнаго ученаго богослова, протоіерея Павскаго, и рѣдкостно чистаго и прекраснаго христіанскою душою поэта Жуковскаго, уже объявленный съ семилѣтняго возраста наслѣдникомъ русскаго престола, цесаревичъ Александръ получилъ основательное, серьезное образованіе и самое счастливое, самое гуманное воспитаніе. Прирожденные Его богатой натурѣ благіе задатки быстро и въ высокой степени развились въ Немъ въ тѣ человѣчныя достоинства, которыми такъ прославился и возвеличился Александръ во всю свою жизнь.

Измлада возлюбя народъ свой и его святую вѣру, Цесаревичъ объѣздилъ всю Россію, посѣтилъ знаменитыя обители русскія, съ чистою и искреннею вѣрою и молитвою поклонился предъ святынями православно-рускими. Лично ознакомился Онъ со всѣми концами обширной страны своей, не исключая и далекой Сибири; всюду и на мѣстѣ приглядѣлся Онъ къ быту и нуждамъ народа своего. „Я своими глазами и вблизи познакомился съ нашею матушкой-Россіей, и научился

еще болѣе любить ее и уважать“, писалъ самъ Онъ во время своего путешествія къ одному изъ своихъ наставниковъ.

Еще не призванный на служеніе къ правленію страпою, Онъ обнаруживалъ уже великія доблести и дарованія; были случаи, когда дѣйствія Наслѣдника приводили въ восторгъ всю Россію и даже становились извѣстными внѣ Россіи. Вотъ, напр., во время пребыванія своего на Кавказѣ, Онъ выказываетъ великое самоотверженіе и поразившую всѣхъ храбрость, когда, слѣдуя съ воинскимъ отрядомъ изъ одной крѣпости въ другую и завидѣвъ партію горцевъ, Онъ быстро и далеко ускакалъ впередъ, на встрѣчу къ нимъ, пренебрегая явною опасностію. Вотъ изъ Сибири, покаяясь доброму движенію своего человѣколюбиваго сердца, Онъ шлетъ ходатайство къ державному Родителю своему объ облегченіи тяжелой участи каторжниковъ. Вотъ Онъ удивляетъ всѣхъ своимъ мудрымъ тактомъ, временно управляя всѣмъ государствомъ, во время заграничнаго путешествія своего Родителя. Вотъ Онъ дѣятельно принимаетъ участіе въ трудахъ и заботахъ Императора Николая во время турецкихъ походовъ на защиту православныхъ отъ турецкаго насилія. И т. д.

Радовался Родитель, мудрый Императоръ Николай, глядя на достойнаго своего Сына: „Я Имъ доволенъ, писалъ счастливый Отецъ о пятнадцатилѣтнемъ Цесаревичѣ Александрѣ къ Его воспитателю: у Него сердце доброе, готовое на все хорошее и благородное“. Благоговѣнно и преданно полюбилъ Наслѣдника царственнаго и весь народъ русскій. Все заставляло видѣть въ Немъ вѣрный залогъ благословенія Божія на царство русское, все внушало благую надежду, что Онъ

будетъ радостью и утѣхою народа, славою и честію Россіи.

И все это, милостію Божіею, вполнѣ оправдалось. Въ 1855 г. Александръ Николаевичъ вступаетъ на прародительскій престолъ. День восшествія Императора Александра II на престолъ, не смотря на массу нависшихъ тогда надъ Россіею политическихъ тучъ и всякихъ затрудненій, былъ для всѣхъ русскихъ днемъ великой отрады въ горѣ и лучомъ свѣтлой надежды въ пучинѣ скопившихся бѣдствій. Приснопамятный святитель московскій митрополитъ Филаретъ писалъ въ этотъ день къ А. Муравьеву: „Слава Богу! свѣтлыя вѣсти о воцарившемся Государѣ разрѣшаютъ облако и озаряютъ души (наши) надеждами!“ Одинъ изъ поэтовъ русскихъ (М. Дмитріевъ), привѣтствуя новаго Императора, свидѣтельствуетъ о той любви, какую питалъ къ Нему народъ русскій, о томъ довѣріи и той надеждѣ, какія уже успѣлъ внушить къ себѣ Александръ Цесаревичъ:

„Знаемъ мы: Ты кротокъ духомъ!
Давно полна Россія слухомъ
Небесной благости Твоей!
О комъ вели мы рѣчи прежде?—
Не о Тебѣ-ль, своей надеждѣ!“

Другой поэтъ (Н. Прокоповичъ, другъ Гоголя), непоколебимо убѣжденный въ величіи Александра, еще только привѣтствуя Его съ восшествіемъ на престолъ, уже предсказываетъ и результатъ Его благодѣтельнаго царствованія:

Заранѣ слышу я племя благословенья,
Молитвы теплыя, молитвы за Того,
Кто ангельской души нѣжнѣйшія движенья
Всѣмъ—благу посвятить народа своего!“

Но вотъ раздалось и слово самого этого Любимца народнаго, новаго Императора; въ первыхъ же Высочайшихъ манифестахъ Александра II благоволеніе, доброта и сердечность Его облеклись въ знаменательныя и въ восторгъ всѣхъ приводившія выраженія благороднѣйшаго сердца. Новый Монархъ возвѣщалъ народу своему отраднѣйшее благовѣстіе, что, заботясь о славѣ и о могуществѣ Россіи, Онъ прежде всего „пріемлетъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлю — благоденствіе отечества“. Этотъ первый обѣтъ царскій и послужилъ программой всей царственной дѣятельности Александра II.

Двадцать шесть лѣтъ продолжался царственный подвигъ Александра II. Невозможно даже мысленно въ краткій срокъ прослѣдить славный путь этого величаваго, благодѣтельнаго царствованія, можно сказать, каждый день котораго достоинъ памяти, есть день историческій. Кто изъ васъ не помнитъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ и многостороннихъ Его реформъ, преобразованій, Его необъятныхъ, безчисленныхъ трудовъ и неусыпныхъ заботъ о нашей многомилліонной семьѣ — не только русской, но и общеславянской?! Кто не знаетъ и того, какъ плодотворны и благодѣтельны были не только для отечества нашего, но и для цѣлаго племени нашего славянскаго эти царственные труды Александра?!

Съ перваго же момента своего царствованія Александру II пришлось браться за труды неимовѣрные, вступить въ борьбу съ препятствіями, почти неодолимыми. Вся Россія тогда крайне нуждалась еще во внутреннихъ преобразованіяхъ, въ мирномъ развитіи, а между тѣмъ какъ разъ тогда именно западная Европа,

ненавидѣвшая Россію и боявшаяся ея могущества и величія, общими силами собралась сокрушить ее. Александръ вступилъ на престолъ въ тѣ страшные дни, когда кровь русская лилась рѣками, защищая отечество и вѣру православную. Въ одиночествѣ Онъ долженъ былъ отстаивать южныя окраины Россіи отъ соединенныхъ усилій чуть не всей Европы. Но Провидѣніе помогло Ему окончить эту неравную по силамъ борьбу почти безъ потерь и урона: многострадаальный нашъ Севастополь, почти цѣлый годъ терзаемый адскими силами многочисленныхъ враговъ и охраняемый грудью только однихъ нашихъ, русскихъ героев-воиновъ, палъ не побѣжденный, а только сраженный, былъ не завоеванъ, а только разрушенъ. Мудрый Монархъ спѣшилъ остановить страшные потоки крови русской; Онъ берегъ эту кровь и эти гибнущія силы русскія на внутреннее развитіе, а также и на внѣшнее укрѣпленіе государства, чтобъ впослѣдствіи возстановить нѣсколько поколебленную крымскою кампаніею честь и славу Россіи.

И мы знаемъ, какъ мудро и твердо провелъ Александръ II этотъ свой планъ; мы знаемъ, что своимъ державнымъ преемникамъ Онъ оставилъ царство русское—не только возстановленное въ прежнихъ своихъ предѣлахъ, но и значительно расширенное, всесторонне укрѣпленное и поднятое, царство поистинѣ страшное всѣмъ его врагамъ и ненавистникамъ.

Не входя въ обзоръ политической обстановки царствованія Александра II, вспомнимъ хоть только по названіямъ Его политическіе подвиги и заслуги для Россіи. Онъ покорилъ горный, неприступный Кавказъ, воинственное населеніе котораго было истиннымъ бичемъ